
УДК 111.12

С. М. Левин

Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли*

В статье обсуждается вопрос о том, как можно сохранить категорию субъекта в физикалистской онтологии при условии отказа от постулирования метафизической свободы воли. Важность и значимость затронутой проблемы обосновывается через анализ роли понятия «субъект» в повседневном моральном дискурсе. Предложенный в статье ответ можно охарактеризовать как компатибилистский. Автор утверждает, что категория субъекта может быть выделена в порядке физического мира, если мы сможем указать на присущий только ей каузально эффективный признак, таким признаком объявляется интенциональность.

The paper treats the problem of including the category of subject into physicalist ontology without postulating metaphysical freedom of will. The significance of the issue is proved vital by the analysis of the notion of subject in everyday moral discourse. The suggested answer to the said question can be termed compatibilistic. The author argues that the category of subject might be highlighted in the physical world, if we could find its causally effective feature which might be its intentionality.

Ключевые слова: метафизика, физикализм, детерминизм, компатибилизм, свобода воли, интенциональность, субъект.

Key words: metaphysics, physicalism, determinism, compatibilism, freedom of will, intentionality, subject.

В статье «Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы» М. А. Секацкая утверждает, что «представление о свободном субъекте противоречит метафизическим основоположениям большинства современных философских теорий» [5, с. 81]. Мы вполне солидаризируемся с этим утверждением, но считаем, что оно требует дальнейшего пояснения. Из содержания статьи очевидно, что автор имела в виду не просто свободного, а метафизически свободного субъекта. Такого субъекта, который был бы способен по своему усмотрению предпринимать разные действия в некоторый момент времени при одной и той же тотальной совокупности всех обстоятельств, предшествующих этому действию. Можно подумать, что отсутствие такой способности превращает субъекта из автора

свободного действия в один из многих элементов события. Это в свою очередь порождает вопрос, который ставится в конце статьи Секацкой, о том, возможно ли в принципе совместить категорию субъекта, лишённого каузальной автономии, с физикализмом. Иными словами: можно ли сохранить категорию субъекта в рамках физикалистской онтологии, если лишить его метафизической свободы воли? Именно на этот вопрос мы постараемся найти ответ. Под субъектом мы будем понимать также и то, что обычно именуется нами при помощи личных местоимений или таких слов, как *индивидуум*, *личность*, *персона*; нижеследующий текст должен будет отчасти оправдать уместность подобного смещения.

Физикализм и субъект

Начнем с краткого экскурса в историю и теорию физикализма. Родоначальником современного физикализма можно считать Рудольфа Карнапа, который предложил использовать в качестве универсального основания науки формализованные предложения о физических фактах. Предложения этого языка должны были быть сформулированы путем строгого синтеза из единого физического словаря. Одним из ожидаемых преимуществ такого языка была его «пригодность для описания всех без исключения эмпирических явлений» [4, с. 21]. Так как физический мир состоит из физических фактов, то он может быть описан во всех своих деталях предложениями, составленными из единого физического словаря. При этом полагается, что физический мир – это не конструкт физикалистского языка, а его базовая пресуппозиция. Тотальная претензия физикализма Карнапа означала потенциальную возможность снятия дистинкции физикалистского языка описания и его предмета: такой язык должен был бы быть самореферентным, способным описывать и самого себя. При всём том, что Карнапу не удалось создать такой язык [8, с. 14], подразумеваемая этим языком онтология в итоге получила господствующий статус в современной философии и естествознании.

Физикалистская онтология в своем самом сильном смысле предполагает, что весь мир во всех его частях целиком и полностью подчиняется физическим законам. Каждый процесс и элемент мира должен согласовываться с физическими законами. Это касается как простых чувственно воспринимаемых объектов, так и абстрактных понятий. Некоторые из абстрактных понятий оказываются несовместимы с такой картиной мира и потому элиминируются из физикалистской онтологии, за ними признается лишь номинальное, но не реальное существование. Например, метафизическая свобода воли,

согласно мнению многих физикалистов, – это понятие, за которым не стоит никакой действительный референт, так как всякое событие – это необходимое следствие из суммы предшествовавших ему обстоятельств. Сказанное не означает, что физикализм непременно подразумевает детерминизм или что детерминизм имеет исключительно физикалистский подтекст. Ведь существуют же либертарианцы, позиционирующие себя как физикалисты, а детерминистский тезис вполне может получить сверхъестественное обоснование в форме фатализма. Однако в нашем исследовании мы будем исходить из того, что физикализм не допускает наличия у нас метафизической свободы воли.

Принятие одновременно физикалистских и детерминистических посылок ведет к тому, что в ряду подозрительных абстрактных понятий оказывается и понятие субъекта, которое испытывает давление сразу с двух сторон. Под вопросом оказывается существование субъекта как в значении сущности, воспринимающей и желающей нечто от первого лица, так и в значении агента действия. Если субъект существует только как воспринимающая сущность, то он не более чем эпифеноменален, то есть субъект – это последний казуально неэффективный всплеск в цепочке физических событий. Иными словами, субъект ничего не делает, а только испытывает. Тогда наше личное влияние на окружающий мир оказывается аналогичным нашему влиянию на сюжет в наблюдаемых нами фильмах. Эпифеномалистски описанный субъект похож на зрителя, ассоциирующего себя с главным героем картины, с той только печальной разницей, что смерть героя совпадает со смертью зрителя. Если же субъект существует только в смысле бессознательного актора, т. е. он не переживает, не желает, а лишь «действует», то такой субъект – это философский зомби [7, с. 127]. Поведение такого зомби может быть в высшей степени сложным и согласованным, более того – он свободен в своих действиях, проблема только в том, что никто не осознает эти действия. По выражению Д. Деннета – «никого нет дома» [9, р. 29].

Трактовку субъекта как сущности, способной к переживанию, мы назовем «тезисом “субъекта-зрителя”». Трактовку субъекта как того, кто обладает способностью к действию, но не обладает качественными переживаниями, мы назовем «тезисом “субъекта-актора”». По отдельности ни один из тезисов не выглядит сколько-нибудь привлекательным, но мы не можем сказать, что эти тезисы универсально контринтуитивны, так как восприятие себя как пассивного зрителя своей жизни существует в ряде восточных культур [3, с. 197]. Необходимость утверждения либо субъекта-актора, либо субъекта-зрителя

плохо согласуется с современной европейской традицией самоописания и вызывает у нас «экзистенциальное недоверие». И хотя такое недоверие не может быть аргументом «за» или «против», оно настойчиво побуждает попробовать опровергнуть или трансформировать эти тезисы.

Самый простой путь к тому, чтобы сделать их психологически приемлемыми при условии сохранения их теоретического наполнения, это их совмещение. Будучи совмещенными, они представляются обыденному здравому смыслу вполне комфортными. Под совмещением следует понимать сохранение как феноменальной, так и агентивной стороны субъективности. Аргументация в пользу обоих тезисов в истории философии представлена с избытком. Наиболее экономичным было бы подобрать такую, в которой обоснование тезиса субъекта-зрителя было бы условием истинности тезиса субъекта-актера. Тогда, если будет понятно, что в обоих случаях говорится об одном предмете, а не о разных предметах, называемых одними словами, мы бы могли заключить, что «сохранили» понятие субъекта в полном смысле этого слова как переживающую и самостоятельно действующую единицу.

Ценность субъекта

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению означенных тезисов, стоит задать вопрос, зачем нам вообще нужно понятие субъекта. Почему бы не избавиться от него как от метафизической пустышки или иллюзии народной психологии (folkpsychology)? Дело в том, что наши суждения о других людях, о самих себе, о моральной ответственности и ценностях фундаментально подразумевают то, что философский субъект существует как реальная категория. И если мы откажемся от этой категории, то придется либо радикально переосмыслить то, как мы судим об этих вещах, либо показывать, что они вполне осмысленны и без реальности философской категории субъекта. Начнём с того, к каким теоретическим последствиям ведёт элиминация субъекта для наших представлений о ценностях, затем перейдем к тому, что это значит для осмысленности разговора о себе и других в контексте моральной ответственности.

В «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейн писал: «Субъект не принадлежит миру, а лишь является его границей» [1, с. 212]. То есть в мире фактов нет субъекта. Пока мы оставим в стороне вопрос о том, насколько обосновано это суждение. Для нас важно, что для этики и эстетики такое метафизическое позиционирование субъекта имеет фундаментальное онтологическое следствие: в мире

нет субъекта, которому мы могли бы приписывать те или иные ценности. Отечественный исследователь С. В. Данько пишет, что вслед за субъектом из мира эмпирически доступных фактов выносятся и ценности, а потому все предложения о них относятся к классу «псевдопредложений» [2, с. 7], что обесмысливает всякую глубокую дискуссию об этических и эстетических ценностях. Повторимся, мы не хотим сказать, что какие бы то ни было нежелательные следствия являются достаточным основанием для того, чтобы отказаться от элиминации субъекта, но обращаем внимание на то, что такие следствия обходятся нам слишком дорого. Это толкает к тому, чтобы со всей серьезностью подойти к вопросу об онтологическом статусе субъекта.

Понятие субъекта в повседневных суждениях о себе, других и нашей ответственности имплицитно присутствует в каждой пропозиции на эти темы. Когда мы произносим личное местоимения «я» во фразах, описывающих наши действия, мы не имеем в виду только наше тело или только наше сознание. Предложение «я рассказал им историю» не тождественно по смыслу предложению «тело X произнесло набор звуков Y». То же самое касается и действий других людей. Если «Таня» роняет в речку мяч, а затем плачет, то роняет мяч именно «Таня», а не Танино тело, и плачет «Таня», а не поток Таниного сознания. Или когда мы говорим о наказании, подразумеваем, что существует наказываемый субъект, не тождественный его телу. Никто не наказывает тело в бессознательном состоянии, а если в целях наказания какие-то манипуляции с телом в бессознательном состоянии и производятся, то лишь для того, чтобы провинившийся обнаружил их, очнувшись. При этом сознательные переживания отдельно от тела наказать невозможно. Таким образом, если субъект – это всего лишь иллюзия, то ошибка либо в предложенных примерах, либо в их интерпретации.

У нас есть три возможных сценария описания категории субъекта. Первый – сказать, что субъекта нет и нужно перестраивать то, как мы говорим и думаем. Второй – сказать, что субъекта нет, но изменять ничего не нужно. Третий – что субъект существует в качестве самостоятельной категории и за ней стоит некоторая реальность, на которую указывает эта категория и суждения на обозначенные выше темы. Всякий из этих сценариев логически допустим, но они не в равной степени социально нейтральны. Такой расклад возможных теоретических сценариев в высшей степени напоминает расклад решений по проблеме свободы воли, где детерминизм примерно соответствует первому сценарию: метафизической свободы воли нет, поэтому мы должны пересмотреть свою социальную практику. Компатибилизм

примерно соответствует второму сценарию: метафизической свободы воли нет, но нам не надо пересматривать свою социальную практику, так как у нас есть то, что мы можем назвать неметафизической свободой воли, и её достаточно, чтобы обосновать справедливость наших практик. Либертарианство примерно соответствует третьему сценарию: метафизическая свобода воли есть, и поэтому нам не надо пересматривать устоявшуюся социальную практику.

Метафизическая свобода воли и субъективная каузальность

Рассмотрим вопрос о теоретической уместности понятия субъекта в связке с вопросом о свободе воли. С одной стороны, мы приняли за предпосылку детерминизм, который лишает субъекта метафизической свободы воли, а с другой стороны, тезис субъекта-актера говорит, что субъект-актер может действовать самостоятельно. И понятие субъекта, и понятие свободы воли сталкиваются с очевидными трудностями на пути инкорпорирования в физикалистскую онтологию. И для метафизической свободы воли, и для субъекта фундаментальный вопрос заключается в том, отсылают ли они к сущностям *dedicto* или *de re*. То есть стоят ли за этими понятиями лишь наши слова или также вещи, называемые этими словами. Для проблемы свободы воли есть общепринятая матрица возможных ответов на этот вопрос [12, р. XIX] и существуют специальные термины для обозначения ответов из этой матрицы. В случае же с субъектом, несмотря на многочисленные попытки его деконструкции (от Юма до Кожева), такой общепринятой матрицы пока не существует. На примере вопроса о свободе воли мы должны будем понять, какие пути открыты для нас для включения понятия субъекта в физикалистскую онтологию. При этом стоит учесть, что любое решение вопроса о свободе воли накладывает те или иные ограничения на вопрос об онтологическом статусе субъекта. Так, либертарианство почти автоматически легитимирует категорию субъекта, так как затруднительно сохранить понятие свободы воли и при этом элиминировать из метафизики того, кто ею обладает. Но для тех теорий, что не признают существования метафизической свободы воли, тезис субъекта-актера представляет затруднение: как можно определить субъект как агента действия, если события с ним случаются, а не выбираются им?

Для того чтобы примирить тезис субъекта-актера с детерминизмом и компатибилизмом, есть как минимум два пути. Первый – это языковой путь. Можно попытаться показать, что невозможно сформулировать осмысленные фразы, отрицающие наличие субъекта-актера, даже если мы исходим из того, что все события происходят в

мире с необходимостью. Этот путь в случае успеха будет закреплять тезис субъекта-актора *dedicto* в словах. Таким путем пошел Питер Стросон в своей статье «Persons» [13, p. 139], где он не только обезоружил скептика относительно субъективности, показав, что тот не может непротиворечиво высказать свою позицию, но объяснил существование концептуальной схемы, в терминах которой строится аргументация скептика.

Второй путь – это создание такой дескрипции субъектов и их каузальных способностей, которая помогла бы вычленивть их в причинно-следственном потоке и при этом воздерживаться от постулирования метафизической свободы воли. Такой путь в случае успеха будет закреплять тезис субъекта-актора *de re* в вещах. Он не просто защищает субъекта от нападков, но предлагает позитивное толкование отстаиваемого тезиса. Позитивное толкование заключается в том, чтобы открыть то, чем именно в каузально детерминированном мире субъективная причинность (действия) отличается от любой иной. Наш ответ с учётом дальнейших разъяснений будет заключаться в том, что действия – это такой класс событий, в полную причину которых входят интенции в самом широком смысле слова: от желаний и неосознанных импульсивных движений до продуманных рациональных решений. Предложенный ответ соответствует третьему из определенных выше сценариев (что за категорией субъекта стоит некоторая реальность) и вполне согласуется как с детерминизмом, так и с компатибилизмом, а также делает зависимым доказательство тезиса субъекта-актора от тезиса субъекта-зрителя.

Выше мы написали, что отсутствие метафизической свободы делает существование субъекта проблематичным. Возможно, что для защиты тезиса субъекта-актора достаточно найти такую разновидность свободы, которая устраивала бы компатибилистов? Ведь даже такой признанный либертарианец, как Роберт Кейн, пишет, что существуют разные виды свободы, и некоторые из них вполне совместимы с детерминизмом [11, p. 29–30]. Вообще, зачем нам нужна свобода, и тем более свобода метафизическая, для сохранения категории субъекта? Понятие свободы в том или ином виде нужно для разграничений действия и события. Мы определили, что субъект – это тот, кто совершает действия. Действие в отличие от события может стать свободным, мы можем говорить про свободные и несвободные действия, но не оцениваем события как свободные. Притом несвободные действия – это всё-равно отдельный класс событий. Бывает, что мы говорим про случайные события, но случайность – это совсем не то качество, которое можно назвать сущностным свойством действия,

хотя случайные действия также возможны. Получается, что определение свободности – это исключительно черта действия, но никак не события. Нам остается определить, о какой свободе идет речь.

В случае с метафизической свободой воли роль субъекта в производстве действий прозрачна. Метафизическая свобода воли – понятие, позволяющее, по мнению его сторонников, приписывать индивиду ответственность за его поступки. Ответственность возлагается благодаря двум принципам, на которых покоится понятие метафизической свободы воли. Во-первых, субъект мог бы поступить иначе, чем поступил при тех же условиях, а во-вторых, он выступает носителем финальной ответственности (UR – *ultimateresponsibility*) [11, р. 31–34]. Последнее означает, что он – автор своего действия потому, что у этого действия нет достаточного основания какого бы то ни было типа, за которое агент так же не нес бы финальной ответственности. Для сторонников метафизической свободы воли, либертарианцев, субъекты выступают теми точками бытия, благодаря которым течение событий неслучайным образом может сворачивать в ту или иную сторону. Понятие субъекта необходимо для утверждения метафизической свободы воли, М. А. Секацкая прямо пишет об этом: «Уйти от детерминизма и прийти к свободе невозможно без носителя свободы воли, без субъекта, свободным волеизъявлением предопределяющего собственные действия» [5, с. 90]. Итак, мы видим, что без субъекта идея метафизической свободы разрушается. Но (возвращаясь к нашему вопросу) разрушается ли идея субъекта без метафизической свободы?

Допустим, что метафизической свободы воли не существует. Если каждое событие в мире имеет свою причину и следует из этой причины с необходимостью в соответствии с универсальными и всеобъемлющими законами природы, то никакое событие естественной и социальной истории не могло не произойти. Всякое отдельное действие человека оказывается с необходимостью предзаданными предшествующими этому событию условиями. В сильном метафизическом смысле всякий наш выбор иллюзорен, и мы никогда не могли бы поступить иначе, чем фактически поступили. Получается, что детерминизм устраняет понятие субъекта-актера, так как каждое его *действие* можно описать как *событие* природы. А у событий нет авторов, их не совершают, они происходят. Из того, что мы не могли поступить иначе в момент t , чем поступили при всей имеющейся совокупности условий, следует, что в момент t не существовало никого, кто выбирал бы будущие события [10].

Чтобы преодолеть это затруднение, мы должны обратиться к понятию субъекта и попытаться найти в нём характеристики, которые позволяли бы выделить его из потока общей причинности. Не так, чтобы действия перестали быть необходимыми – это было бы просто реинкарнацией метафизической свободы воли – а так, чтобы именно существование субъекта позволяло бы этим действиям происходить, пусть и с необходимостью. Понятие субъекта, как и понятие свободы, глубоко укоренено в повседневных практиках. В отличие от свободы слово «субъект» далеко не всегда произносится, вместо него чаще всего употребляются местоимения (я, ты, он) или слова «индивид», «личность». Однако как бы мы ни называли субъекта, мы можем говорить, что имеется в виду нечто, что может чувствовать и действовать. Стросон пишет, что быть субъектом – это обладать и ментальными, и телесными предикатами [13, p. 147]. Телесные предикаты присутствуют как у субъектов, так и у любых материальных объектов. Например, «весить 100 килограмм» или «быть в комнате». Ментальные же предикаты, хотя и включают в себя телесные характеристики, свойственны только индивидуумам. Например, «написать письмо» или «напряженно думать».

Собственно действия отличаются от событий тем, что для их происхождения на определенном этапе задействуются ментальные характеристики субъекта, а именно – любые интенциональные состояния. Если некоторого человека независимо от его желаний опрокинуло навзничь порывом ветра, то налицо событие, если же он решил упасть сам, то это действие. Желаниям и решениям при этом совершенно не нужно выходить за рамки необходимых причинно-следственных цепочек. Пусть даже в одних и тех же условиях в определённый момент времени у субъекта будет рождаться одно и то же желание, которое он будет каждый раз исполнять, то каждый раз исполнение желания субъектом мы будем называть действием, так как в его полную причину входила интенция субъекта. В некотором роде всякое действие – это событие физического мира, но такое событие, которое произошло благодаря тому, что имело место возникновение интенции в теле определенного индивида.

Как отличить свободное действие от несвободного, раз все действия обусловлены нашими интенциями? Свободное действие в компатибилистском смысле – это действие, порожденное интенциями в определенном контексте. Если интенция Петра принести воды Андрею появилась у него потому, что Андрей угрожал Петру пистолетом, то получившееся действие мы не назовем свободным. При оценке

контекста в расчёт берутся причины и общая ситуация, предшествовавшая возникновению искомой интенции.

Должна ли интенция быть осознанной, чтобы мы отнесли некоторое событие к классу действий? Нет, необязательно. Бывают неосознанные интенции. Скажем, у некоторого индивида есть Эдипов комплекс – подсознательное желание убить своего отца – и он может, не отдавая себе отчета, делать многое для осуществления своего желания. Такое желание может стать осознанным благодаря работе психоаналитика. Признаком всего ментального является его потенциальная возможность сделать неосознанное осознанным [6, с. 149]. Это относится как к восприятиям, так и к намерениям. Вы можете неосознанно следить за дорогой и управлять своим автомобилем на трассе, думая совсем о других вещах. При определенных обстоятельствах вы можете сфокусировать внимание, и тогда ваше сознание будет поглощено дорожной обстановкой. Но не всё, что происходит в теле и с телом субъекта, носит ментальный характер. Пищеварительный процесс – это события в пищеварительном тракте, они не могут стать осознанными и потому не относятся к классу ментального. Нельзя пожелать быстрее переваривать пищу, но можно пожелать осознанно или неосознанно такую пищу получить. Уже упоминавшиеся философские зомби согласно определению не могут осознавать свои действия. Все процессы в их организме хотя и выглядят со стороны точно так же, как наши, происходят «в темноте», подобно пищеварению, следовательно, зомби ничего не делают, с ними происходят события, поэтому зомби не могут быть свободны в рамках предложенной компатибилистской парадигмы.

Не является ли предложенное решение эпифеноменальным? Если всё происходит согласно законам природы, то не теряют ли наши интенции каузальную силу? Нет, не теряют: если у индивида не возникнет определенных желаний, то он просто не совершит связанных с ними действий. К примеру, если я не хочу выносить мусор и у меня нет дополнительных внешних стимулов, то просто не выношу. Причем некоторые действия в определенных ситуациях являются следствием исключительно осознанных желаний, решений и восприятий. Невозможно реализовать интенцию получения научной степени, пребывая в бессознательном состоянии. Или, если Андрей потребует, чтобы находящийся в бессознательном состоянии Петр принес ему воды, то Пётр не пойдет, даже если Андрей будет угрожать пистолетом.

Итак, мы видим, что в управляемом законами природы физическом мире мы можем найти каузально эффективный признак, по ко-

торому мы будем выделять действие в ряду событий. Действие – это событие, в полную причину которого входит интенция, а ею обладают только субъекты. Интенции всегда чьи-то. Очевидно, что предложенное решение рождает множество вопросов и может быть адекватно оценено только в связке с доказательством того, что для таких слов как интенция, сознательные переживания мы можем найти прямые субстанциальные референты. К примеру, для каждого участка феноменального поля субъекта можно было бы указывать его нейронный коррелят, а не просто говорить, что он «производится мозгом». В таком случае понятие субъекта легко встраивается в физикалистскую онтологию, так как тот признак, по которому мы его выделили, обнаруживается в объективном порядке вещей, а всё то, что так существует, имеет связь с другими физическими объектами, а значит, выступает необходимым звеном в причинно-следственных цепочках событий.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон, 2008.
2. Данько С.В. Смысл жизни и философское «Я» в ракурсе исследований Л. Витгенштейна // Vox. Философский журн. – 2012. – Т. 001. – № 13.
3. Корягин А. Д. Против трансцендентализма в этике // Гаспарян Д. Э. Философия свободы. – СПб.: Алетейя, 2011.
4. Нехаев А.В. Protokollsditz-Streit: феноменализм, физикализм и конвенциализм // Вестн. Тюменского гос. ун-та. – 2011. – № 10.
5. Секацкая М.А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопр. философии. Науч. журн. – № 2. – М., 2012.
6. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М: Идея-Пресс, 2002.
7. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС, 2013.
8. Юлина Н.С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки: Ежегодник. – М., 2006. – №12. – С.10–42.
9. Dennet D. Consciousness Explained. – New York: Back Bay Books, 1992.
10. Ginet S. Might We Have No Choice? // Lehrer K., Freedom and Determinism. – New York: Random House, 1966.
11. Kane R. Free Will: The Elusive Ideal // Philosophical Studies. – 1994. – № 75.
12. Pereboom D. Living without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
13. Strawson P.F. Persons // Chappell V.C., The Philosophy of Mind. – New York: Prentice-Hall, 1962.